

Роман Ф.М. Достоевского «Игрок» в рецепции Д.С. Сэвиджа

Рассматривается специфика восприятия романа «Игрок» в статье английского поэта и литературного критика Д.С. Сэвиджа в сравнении с интерпретациями предшественников. Подчеркивается новаторство критика в оценке романа не как «скопированного» Ф.М. Достоевским из собственной жизни, а как полноценного художественного произведения, отмечается новизна подхода к толкованию персонажей.

Ключевые слова: Ф.М. Достоевский; роман «Игрок»; рецепция; Д.С. Сэвидж; Дж.Т.А. Ллойд; Э.Х. Карр; Ч.Дж. Хогарт.

В середине XX в. в фокусе британских исследователей находятся большие романы Ф.М. Достоевского, а роману «Игрок» традиционно не уделяется значительного внимания. Статья Д.С. Сэвиджа «Идея *Игрока*» – фактически единственное специальное исследование произведения, опубликованное в этот период. Этот труд Сэвиджа признан классическим американскими учеными [1, с. 80], его отдельные положения осмысливаются в работах: Дж. Франка [4, р. 303–304] и К. Аполлонио [1, с. 97], при этом на русском языке он никогда не издавался и в контекст отечественного достоевковедения не введен.

Дерек Стенли Сэвидж (*Derek Stanley Savage*, 1917–2007) – английский поэт и критик, автор статей в поддержку пацифистского движения. Его критическое наследие включает монографии, посвященные английской литературе: «Личный принцип: очерк о современной поэзии» (1944) [7], «Иссохшая ветвь: Шесть исследований современного романа» (1950) [8], а также статьи «Литературная ситуация в Англии» (1953) [6] и «Идея *Игрока*» (1950) [5]. Нас, безусловно, интересует последняя.

Статья «Идея *Игрока*» была опубликована в американском литературном журнале *The Sewanee Review*. Само ее название указывает на неудовлетворенность Сэвиджа предшествующими толкованиями романа. В центре внимания поэта находится укоренившееся к тому времени восприятие произведения как сугубо биографического, а основной задачей является опровержение этого стереотипа и предложение новой интерпретации.

Статья состоит из трех частей. В первой Сэвидж кратко излагает основные тезисы своих предшественников – английских биографов Достоевского Дж.А.Т. Ллойда и Э.Х. Карра. Критик приводит ряд цитат из их работ, подтверждающих слияние в сознании исследователей реальных событий и сюжета. Сэвидж поясняет: идея романа зародилась у Достоевского в период тяжелых отношений с А.П. Суловой и фатального увлечения

рулеткой, вероятно это и привело к убеждению в абсолютной *биографичности* «Игрока» [5, р. 281–282]. По мнению автора, такой подход «выводит саму историю из фокуса читательского внимания» [5, р. 282]. Критик называет такое прочтение романа «наивным» и подчеркивает, что «...за *Игроком* кроется не просто скандальное разоблачение личной истории, но, как обычно случается в творчестве Достоевского, доминирующая и придающая форму *художественная идея*, с которой связано все в действии» (*курсив мой. – А.Ш.*) [5, р. 283]. То есть Сэвидж возвращает «Игроку» статус художественного произведения.

По мнению автора, в результате преувеличения роли событий из жизни Достоевского в сюжете романа отношения героев воспринимаются как портретное изображение отношений писателя с А.П. Суловой, а романной Полине приписываются все качества Полины настоящей. В качестве примера такой трактовки Сэвидж приводит вступительную статью переводчика Ч.Дж. Хогарта, в которой Полина изображена расчетливой злодейкой, намеренно толкающей Алексея Ивановича в бездну азарта, а сам герой – ее несчастной жертвой. Такое прочтение, с точки зрения поэта, сводит художественную задачу Достоевского к изображению «избитого типа романтической литературы – *femme fatale*» [5, с. 282], что не соответствует действительности. Критик подкрепляет свои тезисы цитатой из письма Достоевского Страхову, согласно которому в центре истории – изверившийся молодой герой, и указывает, что в письме не говорится ни о роковой женщине, ни о садомазохистских чувствах [5, с. 284]. Аргумент, конечно, спорный: в отечественных исследованиях последних лет доказывается, что в процессе реализации первоначальный замысел существенно обогатился [2, с. 655; 3, с. 457–458]. Однако справедливость наблюдений Сэвиджа о присутствии в романе организующей художественное целое идеи и о том, что эта идея не исчерпывается изображением роковой женщины, очевидна.

Во второй части статьи Сэвидж анализирует ключевые сцены первой и пятой глав, в которых представлены беседы Алексея Ивановича с Полиной, и заключает, что автобиографическая трактовка сюжета становится возможной благодаря содержанию и построению именно этих сцен, а также решением Достоевского отдать роль повествователя «не сочувствующему персонажу <...> а злодею произведения, погибшему человеку» [5, с. 287]. Далее Сэвидж поясняет: «Столкнувшись с таким изображением Полины-искусительницы, обычный читатель забывает, что он смотрит на нее через призму горячечного сознания Алексея, и что на других в книге – на старую тетушку, на спокойного англичанина – ее качества производят совершенно иное впечатление» [5, с. 287–288]. Влияние повествования от первого лица на читательское восприятие романских событий и героев ранее было отмечено Ллойдом, причем именно на примере образа Полины, однако это было

сделано вскользь. Сэвидж впервые в истории английской рецепции романа ставит эту проблему и представляет ее подробный анализ. Он приводит развернутые цитаты из первой и пятой глав и в их разборе убедительно опровергает трактовку Хогарта, согласно которой Алексей – жертва злодейки Полины. Критик доказывает, что любовь учителя к генеральской падчерице – это не светлое чувство, а *любовь-ненависть*, природа которой обусловлена душевным складом самого героя, отсутствием в нем веры, а не поведением Полины. Таким образом, Сэвидж показывает, что в самом романе содержатся послышки, содействующие его биографическому прочтению, а также с помощью анализа любовной линии сюжета предлагает более адекватные по сравнению с предшественниками трактовки образов главных героев.

В третьей части статьи Сэвидж сосредоточивается на том, как личность главного героя реализуется в игре. Его цель – ответить на вопрос: почему игра обретает такую власть над Алексеем Ивановичем? По мнению поэта причина в отсутствии веры. Так как человеку необходима опора, *изверившийся* герой сначала ставит на место Бога Полину, которую при первом же выигрыше вытесняет Фортуна, потому что она может дать ему деньги, а, следовательно, могущество, то есть превратить в Бога его самого. Таким путем критик выходит к изначальному внутреннему конфликту Алексея и убедительно показывает, что внутренний надлом, исковерканная система ценностей – это главная сила, оказывающая разрушительное влияние на жизнь героя [5, р. 296]. Этот вывод вполне согласуется с прочтением романа в новейших исследованиях.

Таким образом, центральной проблемой в статье Сэвиджа впервые становится правомочность автобиографической трактовки «Игрока», констатируется ее фатальное влияние на понимание идеи романа, восстанавливается его репутация как художественного произведения. Автор убедительно показывает определяющее значение типа повествования и личности повествователя на восприятие героев и идеи произведения читателем и предлагает более тонкую и точную интерпретацию. Из сказанного следует, что труд Сэвиджа знаменует собой перелом в английской рецепции «Игрока».

Литература

1. Аполлонио, К. Секреты Достоевского. Чтение против течения / К. Аполлонио; перевод с английского Е. Цыпина. – Санкт-Петербург : Academic Studies Press / БиблиоРоссика, 2020. – 316 с.

2. Захаров, В.Н. Трагедия и сатира: «вечные» роли героев Достоевского / В.Н. Захаров // Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений и писем: канонические тексты / под. ред. В.Н. Захарова. – Петрозаводск : Издательство Петрозаводского государственного университета, 2005. – Т. 6. – С. 641–657.

3. Тихомиров, Б.Н. Герои Достоевского в подполье и за рулеткой / Б.Н. Тихомиров // Достоевский Ф.М. Записки из подполья. Игрок. – Санкт-Петербург : Вита Нова, 2011. – С. 456–477.
4. Frank, J. The Gambler: A Study in Ethnopsychology / J. Frank // Hudson Review. – 1993. – Vol. 46. – P. 301–322.
5. Savage, D.S. The Idea of The Gambler / D.S. Savage // The Sewanee Review. 1950. – Vol. 58. – № 2. – P. 281–298.
6. Savage, D.S. The Literary Situation in England / D.S. Savage // The Sewanee Review. – 1953. – Vol. 53. – No. 4. – P. 654–658.
7. Savage, D.S. The Personal Principle: Studies in modern poetry / D.S. Savage. – London : Routledge, 1944. – 196 p.
8. Savage, D.S. The Withered Branch: Six studies in the modern novel / D.S. Savage. – London : Eyre & Spottiswoode, 1950. – 207 p.

А.С. Шимичев

*Нижегородский государственный педагогический университет
имени Козьмы Минина*

Реализация технологии «перевернутый класс» при формировании грамматической компетенции

В статье рассматривается вопрос применения технологии «перевернутый класс», применительно к формированию грамматической компетенции студентов вуза. На основе наукометрического анализа дается характеристика заявленной технологии и описываются ее особенности при организации работы по овладению иноязычной грамматикой. Представлен алгоритм работы с грамматическими явлениями

Ключевые слова: обучение иностранным языкам, грамматическая компетенция, инновационные технологии, перевернутый класс, практикоориентированное обучение.

Овладение грамматическим аспектом иноязычной речи всегда вызывает значительные трудности у обучающихся, обусловленные интерферирующим влиянием родного языка, а также традиционной системой обучения, основанной на трансляции правил и не учитывающей личностно-деятельностный аспект усвоения материала. В этой связи возникает объективная потребность в трансформации классической методики и ее обогащение новыми технологиями, которые бы учитывали когнитивную составляющую изучаемых грамматических явлений и способствовали более прочному формированию искомых навыков и умений.

Одной из инновационных технологий, отвечающим потребностям формирования грамматической компетенции обучающихся вуза, является